

Н.В. Новикова

**Женский социально-политический союз:
идеология и политика радикального
феминистского движения
в Великобритании в начале XX века**

Новикова Наталья Валентиновна, ассистент кафедры всеобщей истории ЯГПУ



В первые годы XX века британское общество находилось под впечатлением бурных кампаний сторонниц женского равноправия. Хотя движение женщин в пользу расширения избирательного права - суфражизм - успешно развивалось с середины прошлого столетия, появление новых феминистских обществ, исповедующих воинствующую тактику, придало ему новый импульс, поставило в ряд насущных политических проблем. В англоязычной исследовательской литературе содержатся различные объяснения этого феномена. Уже современники, критики суфражизма, опирались на предположения об особенностях темперамента, о психической неуравновешенности и даже ущербности активисток женского движения этого периода. Наиболее популярна другая точка зрения: политический экстремизм феминисток - наиболее яркое проявление глубоких кризисных процессов, характеризующих эдвардианскую Англию (1). Изучение идейного и политического наследия воинствующего суфражизма наводит некоторых исследователей на мысль о более развитом самосознании участниц движения, о новом понимании ими природы взаимоотношений мужчины и женщины, о своеобразном представлении механизмов социально-политических изменений, из чего следует вывод о возникновении отличной от традиционной, радикальной феминистской идеологии, выражением которой и стало новое движение (2). Сторонники перечисленных взглядов тяготеют к излишним обобщениям, поиску типичных черт явления, закономерностей его появления. Недостатки этих работ в значительной мере компенсируются благодаря новым альтернативным исследованиям. Большой интерес вызывает, например, эссе Брайана Харрисона "Акт воинственности". Автор, объясняя растущий экстремизм феминисток, обращается к внутренней логике самого насильственного действия и к принципам функционирования организации, поощряющей такие действия. Неизбежное общественное порицание и необходимость конспирации толкают участниц движения к большому риску, замкнутости, в конечном счете приводят к возрастающей эмоциональной и психологической зависимости от горстки лидеров, которые, в свою очередь, постоянно требуют доказательств верности общему делу, а значит, и себе (3). Наконец, еще один подход к изучению причин появления радикального суфражизма заключается в объяснении внутренних побудительных мотивов обращения феминисток к новой тактике. Какие бы внешние силы не влияли на этих женщин, утверждает, в частности, Сандра Холтон, ими был сделан обдуманый и сознательный выбор, который в решающей степени зависел от определенного склада ума, моральной философии, мировоззрения каждой из участниц движения (4).

Главным признаком политики воинствующего суфражизма являлось демонстративное нарушение закона, и в этом состоит принципиальное его отличие от умеренного, конституционного крыла женского движения. Перед первой мировой войной в Англии существовало несколько "боевых" суфражистских групп: Женская лига свободы, Женская лига сопротивления налогообложению, Мужской политический союз за женское избирательное право и др. Но наибольшую известность получил Женский социально-политический союз, члены которого именовали себя "суфражетками" или "милитантками". Собственно, именно деятельность союза с самого начала отождествлялась с радикаль-

ным женским движением. Возникнув раньше других, общество суфражеток всегда стояло на крайних непримиримых позициях, иногда переходящих границы разумного. Милитантки подавали пример стойкости и идейной убежденности. Политическая группа, намеренно противопоставляющая себя обществу, традиционным нормам, оказывается жизнеспособной и деятельной главным образом благодаря самоотреченности, силе духа и воле к победе ее участников и в особенности ее лидеров. Милитантское движение в Англии сплотилось вокруг хорошо известной семьи Панкхерст.

Эммелин Голден Панкхерст (1858-1928) принадлежала к радикальной манчестерской семье среднего достатка. Эмоциональная и впечатлительная, в четырнадцать лет она побывала на лекции Лидии Беккер, основательницы женского движения в Англии, и с тех пор заинтересовалась феминистскими проблемами. Годы обучения в Париже помогли будущему лидеру Женского союза сформировать самостоятельность суждений, приобрести навыки общения, развить способность ясно излагать свои мысли. И друзья, и враги считали ее прекрасным оратором, при любых обстоятельствах она оставалась "леди в истинном смысле этого слова" (5). В Манчестере супруги Панкхерст находились в центре общественно-политической жизни, до 1884 года входили в либеральную партию, а позже сотрудничали с лейбористами. Оба были верными сторонниками женской эмансипации и работали в манчестерском суфражистском комитете. Несколько лет Эммелин Панкхерст активно участвовала в благотворительной деятельности, чем снискала любовь и авторитет среди работниц ткацких фабрик Манчестера. Смерть мужа не пресекла энергичную общественную деятельность миссис Панкхерст, матери пятерых детей. Поступив на службу в муниципалитет, она осталась активисткой лейбористской партии и продолжала настаивать на включении требования женского избирательного права в ее программу, но вскоре убедилась в необходимости создания новой независимой женской организации, так как лейбористы окончательно отмежевались от суфражизма, а деятельность традиционных суфражистских комитетов была неэффективна. В октябре 1903 года Эммелин Панкхерст при поддержке своих дочерей, Кристabelle и Сильвии, объявила о создании Женского социально-политического союза.

Хотя и эта немногочисленная группа состояла из представительниц средних классов, она быстро получила признание простых женщин-тружениц Манчестера. Распространение суфражистского движения в среде рабочих в Северной Англии не было случайным. Деятельность феминистских обществ требовала значительных материальных затрат: на организацию митингов, печать, поддержку "своих" кандидатов во время выборов и т.д. А текстильщицы здесь получали заработную плату, приближенную к мужской, и кроме того были допущены в трэд-юнионы. Поэтому в Манчестере, как и других городах Северной Англии, облегчалась агитация и женщины вносили вклады, которые в других частях страны могли позволить себе только представительницы высших и средних слоев общества.

Никто из членов новой суфражистской организации не имел четкого представления о способах воздействия на общественное мнение и правительство. "Они почти все родом из провинции, не имели ни денег, ни серьезной общественной поддержки, ни даже друзей,- писала в своих мемуарах участница женского движения Рэй Стрэчи,- но они носили в себе жгучую обиду" (6). Только в 1905 году случай помог суфражеткам найти подходящую стратегию. В октябре этого года Кристabelle Панкхерст, слушательница курсов на факультете права, и Энн Кенни, фабричная работница из Олдхэма, приняли участие в политическом собрании в Манчестере, где с программой либералов в новом правительстве выступал сэр Эдвард Грэй. Оратор упорно оставлял без ответа все настойчивее звучащий вопрос об отношении его партии к женскому равноправию. В результате женщин силой вывели из зала, а так как при этом они оказали сопротивление, то были арестованы по обвинению в нарушении общественного порядка. Обе отказались заплатить наложенный на них штраф и были помещены в тюрьму. Это событие получило широкую огласку, превратилось в первую крупную рекламу женского движения за многие годы (7). И суфражетки немедленно извлекли из происходящего урок: только "эффектные" действия способны привлечь общественное внимание и заставить правительство ответить на требования женщин. "Новое оружие, оружие гласности и рекламы, легло в руки Женского социально-политического союза, лидеры которого тотчас же осознали его ценность",- отмечала Р.Стрэчи (8). Уже в 1906 году Кристabelle Панкхерст рассуждала: "Главное правило политической жизни - никогда не выходить из себя перед прессой и общественностью. Мы никогда не допустим такой ошибки. Нам нравится публика, нам даже нравится пресса. Во всяком случае, журналисты, со-

ставляющие отчеты о наших митингах, казались нам вполне симпатизирующими нашему делу. Мы подозреваем, что их сообщения подвергаются "доработке" теми, кто не владеет достоверной информацией о движении, и что они сами, возможно, руководствуются инструкцией "не поощрять все это". Но даже преувеличенные и искаженные сведения, которые делают нас более "ужасными", чем мы есть в действительности, говорят миру, что мы желаем права голоса" (9).

К моменту переезда в 1906 году штаб-квартиры союза в Лондон основные идейные установки и принципы новой тактики были сформулированы. Было бы ошибкой считать найденные формы протеста, способы давления на правительство результатом случайности. Равно как и предполагать, что суфражетки придерживались особой идеологии или пользовались однажды избранным набором политических средств. Во-первых, участницами движения были взрослые женщины со сложившимся мировоззрением, системой ценностей и идей, у большинства из них за плечами - солидный опыт политической деятельности. Поэтому казалось бы случайные обстоятельства лишь дали адекватное выражение уже существовавшим идеям. Во-вторых, на протяжении всей истории милитантского движения наблюдается его эволюция в сторону большего экстремизма, изначально не имевшегося в виду вообще. Ни программа, ни манифесты Женского социально-политического союза никогда не настаивали на том или ином конкретном способе протеста. Все акты воинственности были индивидуальны, спонтанны и зачастую импровизированны.

В своих выступлениях милитантки апеллировали скорее к чувствам окружающих, нежели руководствовались системой рациональных идей и весомых аргументов, подобно конституционалисткам. Размышляя об особенностях идеологии воинствующего феминизма начала XX века, австралийская исследовательница Сандра Холтон говорит о столкновении в европейской мысли "классического" и "романтического" типа видения мира (10). Если суфражистки апологизировали социальный порядок, верховенство закона, рационализм, то суфражетки были убеждены, что путь к человеческому прогрессу лежит через разрушение и хаос, через революцию и социальное возрождение возможно только благодаря усилиям и воле выдающихся людей. "Возможно, ключевое понятие в мировоззрении Эммелин Панкхерст есть моральный императив, который, по ее мнению, лежит в основе каждой личности" и который отражается на человеческих взаимоотношениях (11). Безусловно, характер деятельности милитанток находился в прямой зависимости от образа мысли, ценностных ориентиров, общих представлений участниц движения.

Среди прочих обстоятельств, способствующих эволюции радикальных взглядов феминисток, а именно прогрессивное окружение, вовлеченность в политическую жизнь с ранних лет, достойное образование, в мемуарах активисток Женского социально-политического союза акцент ставится на вдохновляющей роли чтения, большое внимание уделяется детским впечатлениям от прочитанных книг, которые отразились впоследствии на особенностях мировосприятия этих женщин. Чтение являлось частью общей культуры англичан викторианской и эдвардианской эпохи. Общепринятым считалось убеждение, что чтение может оказывать решающее воздействие на становление личности. Типичное тому свидетельство содержится в автобиографии суфражетки Эммелин Петик-Лоуренс, которая описывает свои переживания по поводу прочитанного в шестнадцать лет томика Карлейля: "Впервые в жизни я испытала удивительное чувство, когда отпечатанные слова оставляли страницу и проникали в кровь, заставляя сердце биться сильнее и уводя воображение в некую иную сферу существования" (12). Например, чтение романов Ч. Диккенса сделало Сильвию Панкхерст сторонницей "дела народа и бедных" (13). Среди самых любимых книг Эммелин Панкхерст - "Хижина дяди Тома" Гарриет Бичер-Стоу, "Одиссея" Гомера и "Французская революция" Томаса Карлейля (14). Влияние последней она испытывала всю жизнь. Концепция Карлейля легла в основу мировоззрения лидера суфражеток, отождествляющей свое движение с "женской революцией", которая дает выражение стремлению к свободе - основному человеческому побуждению и двигателю истории.

В целом вряд ли уместно говорить о существовании особой идеологии милитанток. Что касается общих теоретических представлений о причинах подчиненного положения женщины, о природе взаимоотношения полов, то сочинения милитанток в сущности не отличаются от работ конституционалисток. Оба крыла женского движения выдвигали одну и ту же конечную цель. Разница заключалась только в способах достижения этой цели. И по этому вопросу Женский социально-политический союз не придерживался какой-либо системы взглядов, разделяемых всеми членами организации. Ли-

деры общества не стремились к этому в принципе. Главными условиями участия в союзе были абсолютная преданность суфражистскому делу и активное служение общей идее.

Женский социально-политический союз, как и Национальный союз обществ женского избирательного права - другая крупная женская организация, выступал с требованием наделения женщин политическими правами на тех же основах, на которых пользовались ими мужчины. Милитантки не допускали и мысли о возможности компромисса с властями до тех пор, пока это требование не будет удовлетворено. Отправным пунктом в тактике союза объявлялась политика нарушения закона, призванная, во-первых, притянуть внимание общественности к нуждам женщин; во-вторых, оказать давление на правительство; в-третьих, показать, что существующие законы не действуют, и тем самым дискредитировать правительство. "Мы чувствовали, что нам нужно так воздействовать на общественность, чтобы она сама обратилась к правительству с требованием предоставить женщинам право голоса",- заявляла Э.Панкхерст (15).

Более полное представление о методах, используемых милитантками, дает конституция Женского союза (1909 г.): 1. Действия, полностью не зависящие от всех политических партий. 2. Оппозиция любому правительству, находящемуся у власти, до того времени, пока избирательное право не будет распространено на женщин. 3. Участие в предвыборных кампаниях независимо от всех кандидатов. 4. Энергичная агитация, содержание которой оправдано позицией человека, объявленного вне закона, - на это положение обречены в настоящее время женщины. 5. Обеспечение всем женщинам страны возможности адекватного выражения их желания политической свободы. 6. Влияние на общественное мнение всеми известными способами, такими как митинги, демонстрации, публичные дискуссии, распространение литературы, делегации к членам парламента (16).

Итак, в арсенале милитанток значительное место отводилось традиционным конституционным методам суфражисток. Однако в этом документе делается упор на необходимость противостояния правительству, а не сотрудничества с ним, и это нововведение - вторая отличительная особенность стратегии Женского социально-политического союза.

Политика обструкции правительства, с одной стороны, была выражением философской установки, твердого убеждения лидеров общества, что правительство, не сохранившее свою легитимность, - враг народа. Его законность поставлена под сомнение с тех пор, как оно перестало исполнять свой наипервейший долг, то есть сохранять в обществе стремление к порядку, и встало на путь репрессий, подавления оппозиции. "Наш враг - это правительство, а не члены парламента и не мужчины. Только правительство способно дать нам право голоса",- утверждала Э.Панкхерст (17). С другой стороны, эта политика может рассматриваться как реакция на изменения в конституционном процессе государства, признание упадка влияния отдельных членов парламента и возрастания роли кабинета.

Метод атаки на правительство в сущности заимствован у ирландских националистов, чего милитантки и не скрывали. Свою деятельность они ставили в один ряд с ирландским освободительным движением, использующим "революционные методы для установления представительного правления" (18). Эммелин и Кристабель Панкхерст преклонялись перед политическим опытом Ч.Парнелла. "Он и его маленькая партия не могли и надеяться на то, чтобы добиться принятия закона о гомруле во враждебном окружении. Но постоянной обструкцией он однажды измотает правительство и принудит его к капитуляции. То был ценный политический урок, который годами позже мне предназначено обратить в практику",- писала глава Женского союза (19).

Атака на правительство осуществлялась в самых разных формах: демонстрации, прерывание ораторов на политических собраниях, попытки вручения петиций премьер-министру лично, что чаще всего заканчивалось стычками с полицией. Важным аспектом тактики была работа во время предвыборной кампании, причем большего успеха в антиправительственной агитации суфражетки добивались в ходе дополнительных выборов в каком-либо конкретном избирательном округе. Об этом, например, свидетельствует отчет специального корреспондента газеты "Manchester Guardian": "Думаю, не может быть сомнений в том, что суфражетки имели влияние на голосующих. Их активность, заинтересованность, убедительность и большое число женщин-добровольцев, помогающих им в работе, - все это признаки выборов, которые, хотя и странным образом игнорировались большинством газет, все же поражали посетителей избирательных участков" (20). Действительно, деятельность сторонников Женского союза отличалась широким размахом, суфражетки проявляли незаурядное остро-

умие и изобретательность в работе с общественностью. Так, они впервые начали использовать для рекламы своей кампании специально изготовленные значки и открытки. Характерный лозунг "Голосуйте за женщин" появлялся даже на пуговицах и игральные карты.

Поскольку правительство не выражало готовности удовлетворить требования участников женского движения, суфражетки переходили к все более крайним формам протеста. После провала в 1910 году так называемого "примиренческого билля" руководством Женского социально-политического союза было принято решение об изменении тактики: "Существует нечто, о чем правительства заботятся несравненно больше, нежели о человеческой жизни, и это нечто есть охрана прав собственности; именно на этом фронте мы будем сражаться с врагом"(21). Итак, взамен массовых шествий и уличных схваток с полицией объявлялась атака на собственность. Покушения на собственность в больших масштабах даже не предполагалось. Начиналась акция с чисто символических действий, например, метания камней в окна правительственных учреждений, причем камни заворачивали в бумагу или привязывали. Инициатива, исходившая от рядовых членов союза, не сразу получила одобрение лидеров, но с принятием курса на ущерб собственности этот ранний пример стал правилом. Вооружившись молотками, женщины разбивали окна офисов и витрины роскошных магазинов. С 1912 года, когда был отклонен очередной билль о реформе, наступила более радикальная фаза атаки на собственность. Милитантки портили площадки для гольфа, обрезали телеграфные провода, устраивали поджоги и взрывы на железнодорожных станциях и даже в храмах.

Представления об идейных установках и политике Женского социально-политического союза в значительной степени дополняются анализом поведения суфражеток в тюрьме, их отношения к заключению. Первоначально арестованных "нарушительниц общественного спокойствия" надолго не задерживали, но все возрастающая активность милитанток привела к ужесточению репрессий, и к 1913 году в тюрьмах оказалось около тысячи женщин, пострадавших за свои убеждения (22). Власти столкнулись с серьезными трудностями, когда находящиеся под стражей суфражетки стали практиковать голодовки. В июле 1908 года Велэйс Данлоп впервые отказалась принимать пищу и пить, добиваясь статуса политической заключенной. Ее примеру последовали другие, и вскоре голодовки вошли в арсенал средств давления на общественное мнение и правительство. Случаи осуждения женщин и заключения их в тюрьму рассматривались суфражетками как акты саморазоблачения правительства. По воспоминаниям Кристabelle Панкхерст, заключенную угнетали не физические неприятности, связанные с жизнью в тюрьме, а сам факт заключения, ибо власти наносили сильнейшее оскорбление чувствам милитантки, так как посягали на ее автономию и свободу самовыражения. Голодовка становилась не просто продолжением действия, но и способом защиты индивидуальности от власти правительства (23).

Таковыми забастовками женщины доводили себя до крайнего истощения. Тюремная администрация пыталась нейтрализовать их усилия, применяя принудительное питание. Эта очень примитивная процедура была болезненной и довольно опасной, поскольку жертвы отчаянно сопротивлялись. Так, для леди Констанции Литтон пребывание в тюрьме окончилось трагедией: она осталась инвалидом до конца жизни (24). Массовый характер подобных акций повлек принятие в 1913 году так называемого закона "кошки-мышки", контролирующего обращение с узницами-суфражетками, согласно которому ослабевших женщин освобождали из тюрьмы, а после того, как они восстанавливали свои силы, заключали под стражу снова. Однако, как справедливо заметила суфражистка Рэй Стрэчи, "министр внутренних дел впал в заблуждение, предполагая, что фанатики могут быть подавлены силой" (25).

Несмотря на призывы к "женской революции" и воинствующую стратегию, Женский социально-политический союз никогда не представлял серьезной опасности для жизни окружающих или для общественного порядка. Руководители организации придерживались строгого правила не использовать физическое насилие против своих оппонентов лично. "Женский социально-политический союз никогда не ставил и не будет ставить перед собой задачи безрассудно подвергать опасности человеческую жизнь. Мы предоставляем это врагу. Пусть этим занимаются мужчины на войне, но не женщины",- заявляла Эммелин Панкхерст (26). Этот принцип распространялся и на членов союза, которых не принуждали рисковать своей жизнью, но они были вольны пожертвовать ею ради общего дела. Воинственность, как утверждали милитантки, растущий экстремизм были навязаны им властями. Первая акция, предпринятая женщинами, "вовсе не была воинственной, скорее воинственными

были ответные меры со стороны тех, кто ей противился" (27). Более того, воинственность рассматривалась ими прежде всего как моральная сила, а не как способ доказать свое равенство с мужчинами. "Символическое насилие" и "скорбный гнев" суфражеток противопоставлялись грубой силе государства. Хрупкие женщины демонстративно исполняли не свойственную им роль, чтобы привлечь внимание к лучшим нравственным качествам человеческой природы. Апеллируя к благородству и мужественности своих оппонентов, сторонницы Женского союза стремились подчеркнуть свою женственность. Милитантки старались следовать моде, подчеркнуто безупречно одеваться и вести себя как истинные леди даже в самых чрезвычайных ситуациях.

Женский социально-политический союз не стал массовой организацией. Точное число приверженцев этого общества неизвестно. Практически не сохранились ни какая-либо документация, ни регистрационные списки, ни бухгалтерские книги. "Женский социально-политический союз не тратил время на формальности. Было лишь дело! дело!" - подчеркивала Рэй Стрэчи (28). Общество располагало огромными денежными средствами. Среди жертвователей были и самые богатые люди страны. Как утверждала Кристабель Панкхерст, заработную плату получали только конторские служащие, а выступления на митингах и милитантские акции не оплачивались. Деньги расходовались главным образом на аренду помещений, на организацию кампаний, на печать, на униформу и т.п. (29).

О характере руководства и механизме принятия решений в Женском союзе дает отчетливое представление следующее свидетельство Эммелин Панкхерст: "Дух движения был удивительным, радостным и серьезным одновременно. Все личное, казалось, отступало, как только женщины присоединялись к нам. Верность, эта величайшая из добродетелей, была основой движения. Во-первых, верность делу, во-вторых, тем, кто находился во главе, и, наконец, верность друг другу" (30). Сначала конституционалистки, а затем и критики милитантского движения обращали внимание на авторитарный стиль руководства Женского социально-политического союза. Эммелин и Кристабель Панкхерст настаивали на абсолютной преданности своих единомышленниц и беспрекословном следовании указаниям лидеров. Сама логика движения требовала полного самопожертвования, которое означало фактически потерю личной автономии и построения организации "по военному образцу". Асоциальное поведение, экстремизм суфражеток не одобрялись обществом, поддержку и понимание они могли найти чаще всего друг в друге. Патерналистский характер взаимоотношений членов организации подтверждает свойственная лидерам манера высказываться от лица всех участников союза, а на митинге в 1912 году из уст Эммелин Панкхерст прозвучала знаменательная фраза: " Я призываю участников собрания к восстанию! Будьте воинственными каждая по-своему. Я беру ответственность за все, что вы делаете" (31). В то же время вопреки авторитаризму руководителей обычно именно рядовые члены организации предлагали новые направления милитантской тактики, которые позднее получали признание лидеров. Способность к независимой инициативе являлась даже необходимым требованием к последователям Женского союза. Это очевидное противоречие неизбежно приводило к расколам.

Нараставшие с 1907 года личные разногласия между Эммелин Панкхерст и Карлоттой Деспард привели в конечном счете к созданию Женской лиги свободы. В 1912 году последовал еще один, более серьезный раскол: супруги Петик-Лоуренс и их единомышленники отделились от основной организации и сосредоточились на издании газеты суфражеток "Голосуйте за женщин", поскольку не считали целесообразным продолжение активной воинствующей деятельности. Женская лига свободы практически полностью восприняла программные и тактические установки Женского союза и предлагала новые варианты "боевых" методов. Например, в 1911 году именно по инициативе Лиги десятки англичанок отказались принять участие в переписи населения, аргументируя свое решение тем соображением, что если они не имеют права голоса, то, следовательно, не являются гражданами этой страны.

Для Женского социально-политического союза эти расколы означали потерю "благоразумия и погружение в величайшее сумасбродство воинственности" (32). Несмотря на физическую слабость, изнеможение - результаты голодовок, Эммелин Панкхерст настаивала на продолжении взятого курса. Организация отказала в членстве мужчинам. Вполне понятный и красноречивый лозунг "Не слово, а дело!" был заменен несколько одиозным "Право голоса для женщин и целомудрие для мужчин" (33). Нарастающий экстремизм суфражеток выливался в самые абсурдные акции. Так, например, акти-

вистка Женского союза нанесла серьезные повреждения картине Д.Веласкеса и объяснила свой поступок тем, что она "пыталась уничтожить изображение красивейшей женщины в мифологической истории [Венеры - Н.Н.] в знак протеста против правительства, разрушающего миссис Панкхерст - прекраснейший персонаж в современной истории" (34). Пиком в эволюции Женского социально-политического союза и одновременно тревожным показателем явилось самоубийство в 1913 году Эмили Вилдинг Дэвидсон. Ригидность и бескомпромиссность руководства привели и к расколу в союзе: в 1914 году из организации была исключена Сильвия Панкхерст.

Только начало Великой войны пресекло деятельность Женского союза. Всю свою энергию и энтузиазм суфражетки обратили в фанатичный патриотизм. Нет ничего удивительного в этой метаморфозе. За долгие годы политическая борьба, общественная работа стали существенной частью жизни Эммелин и Кристабель Панкхерст. Новые обстоятельства открывали дополнительные возможности для реализации себя как общественного деятеля. Перед своими единомышленниками и публикой они объявили свои "боевые" методы неэффективными в условиях, когда страна столкнулась с насилием в гораздо больших масштабах, и заявили: "Мы не хотим торговаться по поводу служения отчизне. Никогда в ходе всей этой борьбы мы ни на секунду не забывали о любви к нашей родине. Мы не ослабляли ни на йоту нашего патриотизма. Одна из ошибок, допущенных кайзером, одна из многих, состояла в том, что он думал, будто при любых обстоятельствах британский народ не преодолеет свои разногласия" (35).

Весьма важным является вопрос о соотношении конституционного и воинствующего крыла в женском движении в предвоенный период и о последствиях деятельности суфражеток. Несомненно, активность милитанток оживила традиционный суфражизм, привлекла к нему внимание общественности. Далеко не все поощряли воинственность, "неженственные" поступки членов группы Панкхерст. Но главным образом благодаря им "женский вопрос" приобрел небывалую остроту, а Национальный союз обществ женского избирательного права достиг численности более пятидесяти тысяч человек к 1914 году (36). Конституционалистки признавали вклад Женского союза в общее дело, чтли самоотверженность и смелость суфражеток. В мемуарах Рэй Стрэчи начальный период деятельности этой организации предстает как наиболее яркая страница в истории женского движения в Великобритании (37). В то же время сторонницы Национального союза решительно отмежевались от "боевой" тактики милитанток. "Я никогда не могла понять, что поджоги домов, храмов, почтовых ящиков и уничтожение ценных полотен действительно помогают убедить людей в том, что женщины должны быть наделены правом голоса", - рассуждала Милисент Фосетт (38). Кроме того, неприятие и настороженность конституционалисток вызывали диктаторские устремления Эммелин и Кристабель Панкхерст, их пренебрежение демократическими принципами, порой неконтролируемый фанатизм суфражеток.

Эффективность деятельности милитанток может быть предметом дискуссии, но в любом случае она выглядит морально оправданной, так как участницы радикального женского движения свято верили в свою правоту, справедливость своих требований, и даже в самый разгар борьбы с правительством они не встали на путь террора, сохранив веру в ценность человеческой жизни.

Примечания

1. См. напр.: Mitchell D. Queen Christabel. A Biography of Christabel Pankhurst.- London, 1977; Pugh M. State and Society. British political and social history, 1870-1992.- London, 1994. P. 134.
2. См.напр.: Rosen A. Rise Up, Women! The Militant Campaign of The Women Social and Political Union. 1903-1914.- London,1974.
3. Holton S. In Sorrowful Wrath: Suffrage Militancy and The Romantic Feminism of Emmeline Pankhurst./ in British Feminism in the Twentieth Century. Ed. by H. Smith.- The University of Massachusetts Press, 1990. P. 9-10.
4. Ibid. P. 10.
5. Deckard B. The Women's Movement. Political, socioeconomic, and psychological issues.- N.Y.: , 1979. P. 225.
6. Strachey R. "The Cause".- London, 1928. P. 292-293.
7. Феминизм: проза, мемуары, письма/ Под ред. М.Шнеир. Пер.с англ.- М.: 1992. С. 394.

8. Strachey R. Op.cit. P. 295.
9. Цит.по: Mackenzie M. Shoulder to Shoulder: A Documentary.-N.Y.: Alfred A.Knopf, 1975. P.
- 46.
10. Holton S. Op.cit. P. 11.
11. Ibidem.
12. Цит.по: Flint K. The Woman Reader. 1837-1914.- Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 236.
13. Ibid. P. 245.
14. Pankhurst E. My Own Story.- London, 1914. P. 3.
15. Цит.по: Феминизм ... С. 403.
16. Rover C. Women's Suffrage and Party Politics in Britain. 1866-1914.- London: , 1967. P. 76.
17. Pankhurst E. Op.cit. P. 234.
18. Феминизм... С. 399.
19. Pankhurst E. Op.cit. P. 18.
20. Цит.по: Rover C. Op.cit. P. 80.
21. Цит.по: Феминизм... С. 395-396.
22. Anderson B., Zinsser J. A History of Their Own. Vol.2.- Penguin Books, 1990. P. 365.
23. Holton S. Op.cit. P. 16-17.
24. Strachey R. Op.cit. P. 315.
25. Ibid. P. 331.
26. Цит.по: Феминизм... С. 395.
27. Там же. С. 401.
28. Strachey R. Op.cit. P. 311.
29. Mackenzie M. Op.cit. P. 46.
30. Ibid. P. 55.
31. Цит.по: Феминизм... С.396.
32. Strachey R. Op.cit. P. 326.
33. Anderson B., Zinsser J. Op.cit. P. 366.
34. Цит.по: Mackenzie M. Op.cit. P. 261.
35. Цит.по: Pugh M. Women and Women's Movement in Britain. 1914-1959.- Macmillan, 1992. P.
- 9.
36. Strachey R. Op.cit. P. 334.
37. Ibid. P. 291.
38. Цит.по: Anderson B., Zinsser J. Op.cit. P. 364.